

Опубликовано:

Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Отв. ред.: Веселкин Е.А., Тишков В.А. М.: Наука, 1989, с. 86-107.

В.И. Козлов, А.Н. Ямсков

Этническая экология

Одной из важнейших особенностей развития американской культурной антропологии (этнографии) с середины XX в. было формирование в ней отдельного научного направления, получившего название “экологическая антропология”, т. е. в нашем понимании — “экологическая этнография”, как мы ее в дальнейшем в необходимых случаях и будем называть. Американская экологическая этнография испытала период бурного развития и внутренней дифференциации. Несмотря на образование в ее рамках ряда самостоятельных школ и серьезные методологические расхождения между ведущими эколого-этнографами, в целом за прошедшие годы экологическая этнография заметно укрепила свои позиции и представлена теперь практически в каждом из крупных университетов США.

Уже в начале 1970-х годов “важнейшей областью интересов американской антропологии стало изучение экономических и экологических факторов и систем жизнеобеспечения” [1], а позднее вышли первые монографические исследования и учебные пособия для высшей школы данного направления и новые обзорно-критические статьи. Многие периодические издания не только регулярно печатают материалы по экологической тематике, но и посвятили данной проблеме специальные выпуски [2], а с 1972 г. под редакцией известного эколога-этнографа Э. Вайды начал выходить специализированный журнал “Хьюмен экологджи”. Свидетельством важности и популярности экологической проблематики в американской этнографии может служить и тот факт, что всемирно известный французский этнограф К. Леви-Стросс, выступая в 1972 г. в Нью-Йорке, набрал темой своего доклада “Структурализм и экология” [3].

К сожалению, это очень влиятельное и динамичное направление не заслужило должного внимания со стороны советских ученых. Правда, его специальной характеристике была посвящена одна из глав монографии Ю. П. Аверкиевой [4], однако в ней сделан акцент на критику некоторых общих положений, к тому же по большей части свойственных лишь “экосистемной антропологии” (одной из входящих в данное направление школ). Весьма же существенные этноэкологические вопросы и методические расхождения между различными школами экологической этнографии остались практически не рассмотренными этим автором.

Ю.П. Аверкиева преимущественно разбирает весь комплекс взглядов Дж. Стюарда, М. Салинса и М. Харриса — ученых, внесших значительный вклад в развитие экологической этногра-

с. 86

фии, но вместе с тем нередко ставивших и решавших проблемы, далеко выходящие за сферу этого направления. Основные интересы М. Салинса лежат скорее в области эконо-

мической этнографии и теории эволюции культур; М. Харрис использовал концепцию “культурной экологии” в качестве одной, но не единственной основы разработанного им “культурного материализма” [5]. Даже в творчестве основоположника культурной экологии Дж. Стюарда центральное место занимает не она сама, а выдвинутая им теория многолинейной эволюции культур. Например, в своем главном труде “Теория изменения культуры” Дж. Стюард специально выделил раздел “Концепции и методы”, из пяти глав которого лишь одна посвящена культурной экологии [6].

В статье С.Е. Енгибаряна также рассматривается практически только концепция культурной экологии, как ее понимал сам Дж. Стюард, а другим школам экологической этнографии отводится лишь несколько небольших абзацев [7].

Данная статья не ставит своей задачей подробный критический анализ всех рассматриваемых далее школ американской экологической этнографии, в том числе и сопоставления их с формирующейся в СССР новой дисциплиной — этнической экологией, существенное значение для развития которой имела разработка концепции хозяйственно-культурных типов [8]. Поскольку этноэкологическая проблематика уже получила некоторое освещение в советской этнографической литературе [9], мы сочли возможным придать нашей работе преимущественно информационно-обзорный характер, показать историю становления экологической этнографии в США и развития входящих в это направление научных школ. В настоящее время количество публикаций по названной теме измеряется сотнями, поэтому мы рассматриваем работы преимущественно методологического и историографического плана. Так как вплоть до середины 70-х годов эколого-этнографические исследования вели почти исключительно североамериканские ученые [10], то в определенной мере данная статья отражает историю развития зарубежной экологической этнографии вообще, а не только американской.

Вне рамок настоящей работы нами оставлены исследования американских археологов и физических антропологов по проблемам адаптации древних культур и людских популяций к условиям окружающей среды, хотя нередко они тесно связаны с разработкой экологической тематики в культурной антропологии (этнографии). К тому же в целом ряде случаев работы американских ученых носят комплексный характер и не могут быть отнесены к какому-либо одному из перечисленных разделов антропологии в широком значении этого термина. В частности, упомянутый Дж. Стюард первоначально, еще в конце 1920-х годов, занимался археологией и, уделяя большое внимание экологическим условиям существования древних обществ, начал разрабатывать концепцию культурной экологии [11] которая в 1950-е годы оказала огромное влияние

с. 87

на американских археологов и составила методологическую основу очень влиятельной школы “новой археологии” [12].

Определенную сложность представляет также разграничение экологической этнографии и широко распространенной за рубежом культурной географии, поскольку между ними существует значительная область перекрытия интересов: многие географы активно работают в экологической этнографии, а представители обеих дисциплин считают концепцию культурной экологии одной из ведущих в своих методологических арсеналах [13].

География человека, связывающая особенности расселения и трудовой деятельности людей с природными условиями и тем самым неизбежно смыкающаяся с экологией человека, впервые нашла свое отражение в США в работах одного из крупнейших географов середины XIX в. — Г. Марша [14]. Впоследствии не раз появлялись не вполне обоснованные попытки вообще отождествлять задачи географии и экологии человека [15]. Однако

культурная география как таковая возникла в США в самом конце XIX в. под сильнейшим влиянием культурной антропологии и продолжала поддерживать с ней очень тесные контакты [16], что в еще большей степени способствовало сближению рассматриваемых нами направлений этих наук. В отношении культурной географии это привело, например, к переносу акцента с изучения культурных ландшафтов (относительно стабильных образований, отражающих результат изменения природной среды этническими культурами) на исследование современных, преобразованных человеком экосистем в их динамике [17].

Общепринятого определения культурной географии и предмета ее исследований в американской литературе не существует [18]. Представители этого направления изучают характер воздействия различных обществ на природную среду и степень перестройки естественных экосистем, занимаются поиском закономерностей пространственного распределения явлений культуры, отражающего совокупное влияние этнокультурных традиций и географической среды (в основном рассматривается материальная культура, например типы жилищ) и т.д. [19]. Подобные работы, хотя и раскрывают очень интересные аспекты взаимоотношений различных обществ с природной средой, непосредственно к экологической этнографии не относятся и нами не рассматриваются.

В целом можно отметить, что экологи-этнографы сосредоточивают свои усилия на выявлении и объяснении процессов культурной адаптации в сферах “технологий” (хозяйства и материальной культуры), социальной организации и духовной культуры, а сотрудничающие с ними географы изучают природные факторы, влияющие на характер расселения, производственную деятельность и здоровье населения [20]. Важность подобного рода географических работ для дальнейшего развития экологической этнографии специально подчеркивали Э. Вайда и Б. Маккей [21].

Развитие экологически ориентированных исследований в культурной и физической антропологии, археологии и географии США

с. 88

значительно усилило имевшиеся и ранее существенные связи между этими дисциплинами, особенно между сформировавшимися в них экологическими направлениями. Гораздо меньше точек соприкосновения обнаруживается между экологической этнографией и экологическими течениями в социологии и психологии, хотя, например, еще французский социолог Э. Дюркгейм указывал на необходимость учета факторов Среды [22], а в американской социологии Р. Парк начал разрабатывать “экологию человека” с 1915 г. [23]. Впрочем, вопросы о месте экологической этнографии в экологии человека, о конкретном отграничении экологической этнографии от экологических направлений других дисциплин и даже о самом существовании экологии человека как самостоятельной науки в американской литературе далеки от окончательного решения [24].

Экологическая этнография сформировалась как проблемное направление, нацеленное на изучение механизмов взаимодействия обществ, представляющих различные этнические культуры и находящихся на разных этапах социально-экономического развития, с окружающей средой и на выявление роли указанных механизмов в формировании и эволюции конкретных культур. Ключевым понятием, раскрывающим взаимодействие общества и среды, является “культурная адаптация”, которая в самом общем плане обычно понимается как диалектически единый процесс приспособления общества и составляющих его индивидов к условиям среды и преобразования этой среды (преимущественно в результате трудовой деятельности людей). Несмотря на значительные расхождения в конкретных определениях понятия культурной адаптации и особенно в вопросах о критериях оценки адаптированности культур [25], американские экологи-этнографы и географы

фы не сводят адаптацию к пассивному, чисто приспособительному процессу. Наоборот, они не раз отмечали активную роль трудовой деятельности в преобразовании природной среды даже в отношении этнокультурных групп, находящихся на уровне присваивающего хозяйства [26].

В основе взглядов представителей каждой из школ экологической этнографии на проблему связей общества и природной среды лежит положение об их двусторонней направленности, т. е. признается влияние как культуры на среду, так и среды на культуру. Взаимодействие этих феноменов рассматривается в рамках единого, системно организованного целого и раскрывается через понятие культурной адаптации. Предшествовавшие же экологической этнографии теории о связи общества (культуры) и природной среды предполагали прямое одностороннее влияние среды на культуру (географический детерминизм) либо считали развитие культур не зависящим от конкретной специфики природной среды, признавая лишь роль лимитирующих, т. е. делающих невозможным формирование каких-либо явлений культуры, факторов среды, например недостатка влаги в пустынях или тепла в Арктике для развития земледелия (поссибилизм). Иными словами, до возникновения экологической этнографии вопрос о

с. 89

взаимовлиянии общества и географической среды, по существу, и не ставился.

В общеметодологическом плане, однако, об этой проблеме писали классики марксизма: “Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны, до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга” [27]. К. Маркс и Ф. Энгельс также заявляли о своем критическом отношении к идее о “противоположностях в природе и истории”, как будто это две обособленные друг от друга “вещи”, как будто человек не имеет всегда перед собой историческую природу и природную историю. . .” [28].

М. Фрейlich обоснованно сопоставил развитие взглядов на взаимоотношения культуры и природной среды с гегелевской триадой: тезис — географический детерминизм (среда предопределяет культуру), антитезис — поссибилизм (культура развивается по своим самостоятельным законам), синтез — культурная экология (среда и культура тесно связаны, их развитие взаимообусловлено) [29]. Географический детерминизм и поссибилизм составляют предьсторию экологической этнографии, поэтому краткий анализ этих теорий и их влияния на этнографию представляются нам весьма целесообразным.

Как и многие другие научные взгляды, концепция географического детерминизма по своему происхождению восходит к античности. Кстати, в то время география и этнография еще не были достаточно разграничены и фактически сливались в одну науку — “народо-природоведение” [30]. Свое концептуальное оформление эти взгляды получили в XVIII в. в работах Ш. Монтескье и особенно Г. Бокля “История цивилизации в Англии”. Многие рассуждения и выводы этих авторов неглубоки и даже наивны, однако это были одни из первых значимых попыток противопоставить господствовавшим идеалистическим и теологическим взглядам на исторический процесс, факторам божественного или случайно-волонтаристского предопределения исторических событий материалистические взгляды закономерного развития истории, основанные на учете естественных, прежде всего природных, факторов. Так, согласно Монтескье, характер общественного развития и даже система правления определяются климатом, почвой и состоянием земной поверхности. Бокль, считавший законы развития общества столь же универсальными, как и законы природы, и учитывавший важную роль народных масс и экономического фактора

в историческом процессе, уделял особое внимание климату, ландшафту, плодородию почвы, рационам питания и другим факторам [31].

В американской науке конца XIX—середины XX в. географический детерминизм также получил некоторое распространение, в первую очередь потому, что он предоставлял иллюзорную возможность материалистически объяснить историю развития отдельных культур, не прибегая к марксизму [32]. Особенно много детерми-

с. 90

нистов было среди географов — Э. Сэмпл, Э. Хантингтон и др. Последний, например, прямо связывал такие отрицательные черты личности, как слабоволие, нечестность, лень, аморальность и т. п., якобы присущие представителям некоторых народов, с непосредственным воздействием климата; с детерминистских позиций написаны и более поздние работы ученого [33]. Весьма сильное влияние детерминизма чувствуется в некоторых положениях О. Мэсона — одного из пионеров разработки концепции “культурных ареалов” в американской этнографии; временами к географическому детерминизму склонялся К. Уисслер [34], однако в целом его исследования основаны на поппулистских идеях.

К. Маркс и Ф. Энгельс создали исторический материализм — науку об общих и специфических закономерностях функционирования и развития общественно-экономических формаций, которая показала не только недостаточность концепции географического детерминизма, но и ее методологические изъяны. Однако исторический материализм не ставил своей целью какую-то “отмену” реально значимой роли географических факторов, как, например, теория относительности Эйнштейна не “отменила” законов Ньютона. Более того, общие историко-социологические законы развития общества не могли объяснить конкретные особенности исторического развития и специфику культуры и быта тех или иных народов мира, поэтому исторический материализм признавал важность учета и неэкономических факторов.

Ф. Энгельс специально указывал, что “согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу” [35]. К. Маркс также признавал важную роль географических факторов в истории отдельных стран и народов и даже всего человечества вплоть до вывода о том, например, что пыльная тропическая природа сдерживает развитие производительных сил и что только районы умеренного пояса с неоднородными почвенно-климатическими условиями (Европа) могли стать и стали родиной капитала [36]. Говоря о детерминистах, Ф. Энгельс упрекал их лишь в односторонности подхода к проблеме связи между обществом и природной средой. Их точка зрения, пишет он, которая предполагает, “что только природа действует на человека и что только природные условия определяют повсюду его историческое развитие, — страдает односторонностью и забывает, что и человек воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования” [37].

К сожалению, после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса, в конце XIX — начале XX в., исторический материализм стал части подменяться упрощенным экономическим материализмом, в кото-

с. 91

ром игнорировалась роль всех неэкономических факторов, в частности географической среды, а связанные с ними концепции объявлялись враждебными марксизму. Анализ действительной, нередко важной роли неэкономических факторов в историческом процессе с подлинно марксистских позиций исторического материализма в научной литературе развитых капиталистических стран фактически прекратился. Это привело к тому, что подобная тематика исследований стала монополией ученых-немарксистов, в лучшем случае — стихийных марксистов. В советской науке в 1930-е годы прежде тесные связи между этнографией и географией были нарушены, к вопросам взаимоотношения природы и общества ученые вернулись, по существу, лишь с середины 50-х годов, но их работы были, видимо, не известны за рубежом. В этих условиях и продолжали появляться исследования, непосредственно связанные с концепцией географического детерминизма.

Вместе с тем в конце XIX в. оформляется и новая концепция, получившая название “поссибилизм” (от фр. *possibilistes* — “возможный”). В отличие от географического детерминизма, где среда выступает как исходный базис и постоянно действующий ведущий фактор исторического развития, поссибилизм рассматривает ее только в качестве пассивного “фундамента”, на котором, если этому не препятствуют ограничивающие факторы среды, могут возникнуть и развиваться существенно различные в культурном отношении варианты человеческих обществ.

Распространение идей поссибилизма в американской этнографии неотделимо от имени Ф. Боаса и его учеников. Еще в Германии Боас получил солидную географическую подготовку и первоначально разделял тяготения к географическому детерминизму концепции “антропогеографической” школы Ф. Ратцеля. Переехав в Америку, он в 1880-х годах провел полевые исследования среди эскимосов, в ходе которых убедился, что даже в суровых условиях Севера невозможно объяснить бытование всех явлений культуры только влиянием природной среды [38]. Переориентация взглядов Ф. Боаса оказалась весьма глубокой: в дальнейшем вопросами влияния географической среды на культуру и географией вообще сам он более не занимался, а одной из существенных задач этнографии уже в 1896 г. стал считать исправление преувеличений детерминистов по поводу роли среды в формировании культур [39].

Авторитет Ф. Боаса во многом способствовал тому, что на протяжении всей первой половины XX в. среди американских этнографов господствовали поссибилистские взгляды, которые не предполагали, однако, отсутствия внимания к географической среде в этнографических исследованиях. Скорее наоборот, ибо такие работы, как “Культурные и природные ареалы в аборигенной Северной Америке” А. Кребера (которую Д. Беннетт считает “монументом поссибилизму”), “Отношение природы к человеку в аборигенной Америке” К. Уисслера, многократно переиздававшаяся монография британского ученого Форда и целый ряд других [41], включают большой, тщательно обработанный фактический

с. 92

материал по физической географии изучаемых территорий. Все дело в том, что, по мнению поссибилистов, “окружающая среда играет важную роль в объяснении, почему некоторые явления культуры не встречаются, но не в объяснении, почему они встречаются” [42]. В связи с этим экологические условия анализировались ими только с целью выявления каких-либо лимитирующих факторов среды, а ее активное, стимулирующее влияние по существу отрицалось.

Несмотря на указанные расхождения, географический детерминизм и поссибилизм объединяет (и соответственно отделяет обе эти теории от экологической этнографии) недиалектический, механистический взгляд на природу и общество как на строго разгра-

ниченные, резко обособленные друг от друга феномены, между которыми осуществляются односторонне направленные причинно-следственные связи. Вследствие такого подхода представителям обеих концепций было свойственно игнорирование воздействия человека доиндустриального общества на географическую среду, стремление рассматривать последнюю в качестве неизменной, независимой от человека [43]. Это также звучит резким диссонансом высказываниям классиков марксизма, считавших, что “лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он ... изменил также внешний вид и климат своего местожительства ... результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с общим омертвением земного шара” и “всякая историография должна исходить из ... природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории” [44].

Экологическая этнография принципиально отличается как от географического детерминизма, так и от поппулизма. В сравнении с каждой из этих теорий, т. е. на столь же высоком уровне обобщения, она может и должна рассматриваться как альтернативная, единая теория, что, однако, не означает ее внутренней монолитности.

Вопрос о существовании отдельных школ в рамках экологической этнографии является до некоторой степени дискуссионным. Например, Р. Неттинг полагает, что проблемы, которым посвящена его монография “Культурная экология”, “могли бы быть с равным успехом включены под заголовки экологическая антропология, адаптация человека или культурная география”, а в более ранней работе он противопоставлял теориям географического детерминизма и поппулизма культурную экологию как единое развивающееся учение [45]. Ведущие экологи-этнографы конца 60-х—70-х годов Э. Вайда и Р. Раппапорт также уделяли данному вопросу мало внимания, видимо не считая его важным. Правда, они называют культурную экологию Дж. Стюарда первым этапом развития экологической этнографии и выделяют этноэкологию как методологически обособленный подход к экологическим исследованиям в этнографии [46]. Вероятно, эти специалисты склонны рассматривать развитие экологической этнографии как постепенную смену

с. 93

представлений, придавая особое значение общим для всего направления идеям.

На наш взгляд, с такой позицией трудно согласиться. В этом направлении этнографии могут быть выделены не столько отдельные этапы, или стадии, эволюции теоретической мысли, сколько своего рода научные школы, или методологически своеобразные подходы, каждый из которых продолжает существовать и развиваться до настоящего времени, невзирая на оформление новых подходов [47]. Подобную точку зрения разделяет большинство экологи-этнографов США, хотя между ними существуют разногласия по поводу наименования самих школ. Вслед за американскими учеными в составе современной экологической этнографии мы, признавая некоторую условность терминов, выделяем: культурную экологию, экосистемную антропологию, этноэкологию и процессуальную экоантропологию [48].

Культурная экология. Дж. Стюард (1902—1972) был первым ученым, оспорившим поппулистские взгляды на сущность связей культуры и географической среды. Концепция культурной экологии сложилась у него к концу 1930-х годов и начиная с этого времени употреблялась практически во всех исследованиях, однако специальное методологическое обоснование получила значительно позже — в 1955 г. [49]. С определенной условностью этот год можно считать годом рождения экологической этнографии, хотя некоторые исследователи под влиянием ранних работ Стюарда самостоятельно писали на экологические темы и ранее — с середины 1940-х годов [50].

Согласно Дж. Стюарду, “культурная экология — это изучение процессов адаптации общества к окружающей среде. Ее главной задачей является выяснение того, дают ли эти процессы адаптации начало внутренним социальным изменениям эволюционного характера” [51]. Культурная адаптация — процесс перманентный, ибо “ни одна культура не достигала настолько совершенного приспособления к среде, чтобы превратиться в статичную”. Результатом этого процесса являются не только количественные изменения, усложнение культуры, но и возникновение в ней качественно новых явлений. В самой культуре выделяется “культурное ядро”, т.е. институты и явления, относящиеся к “социальной, политической и религиозной” сферам и прямо связанные с производством и распределением средств существования. Именно элементы культурного ядра адаптируются к окружающей среде, причем главное значение среди них имеет “технологический базис”. В противовес POSSИБИЛИСТАМ Дж. Стюард считает, что “процессы культурно-экологических адаптации являются созидательными”, а по мере изменения технологического базиса и потребностей общества (как в результате собственного исторического развития, так и под влиянием извне) меняются и конкретные виды адаптации ядра культуры к среде. Элементы культуры, не входящие в ядро и, таким образом, не адаптирующиеся к условиям окружающей среды, придают различным культурам их специфиче-

с. 94

ские, уникальные черты. Эти элементы связаны с ядром культуры, изменяются вместе с ним, но жесткой причинно-следственной связи здесь нет, и они могут варьировать в весьма широких пределах. Для объяснения эволюции элементов культуры, не входящих в ее ядро, необходимо изучение особенностей исторического развития [52].

В отличие от географического детерминизма культурная экология рассматривает окружающую среду только с точки зрения используемых человеком ресурсов и условий, а не как совокупность всех природных особенностей территории. Так, в совместной работе Дж. Стюард и Р. Морфи выявили одинаковый вид адаптации в сфере социальной организации, возникшей под влиянием торговли с европейцами у индейцев алгонкинов канадской тайги и мундуруку амазонской сельвы в результате их специализации на промысле пушнины (у первых) и латекса — сока дикорастущей гевеи (у вторых) [53]. Естественно, детерминисты не смогли бы предположить аналогичность некоторых элементов у культур, существующих в столь различных физико-географических условиях. В подходе к ресурсам окружающей среды важным является также положение Дж. Стюарда о том, что для каждой культуры их наличие определяется не просто фактом физического существования на данной территории, но и спецификой самой культуры, ее “технологии” и суммы производственных знаний и навыков населения [54].

В прошедшие годы концепция культурной экологии сама претерпела серьезную эволюцию: углублялись и совершенствовались некоторые понятия, вводились новые. Частично это нашло признание и в поздних работах самого Дж. Стюарда. Изначально он придал своей концепции системный характер, подчеркивая взаимодействие “технологии” и среды, а не одностороннее влияние последней [55]. Однако впервые понятие экосистемы было последовательно применено в эколого-этнографическом исследовании К. Герццем* [56], и с этого времени многие термины из общей теории систем стали непременным атрибутом в работах представителей этой и других школ экологической этнографии. Впрочем, не обошлось без некоторого перекося, и, в частности, Д. Беннетт, в целом не отрицая необходимости системного подхода, специально отметил ряд недостатков

* В последние годы в отечественной научной литературе утвердилось иное написание фамилии этого учёного — Гирц (*прим. А.Н. Ямскова к тексту, размещённому в Интернете; 27.02.2010 г.*).

и просчетов, связанных с некритическим использованием в эколого-этнографических работах понятий, заимствованных из биологии и кибернетики [57].

Еще одним принципиально важным шагом в развитии экологической этнографии стало сформулированное М. Салинсом положение о необходимости включения в понятие “окружающая среда” социально-культурных параметров, т. е. других групп населения, контактирующих с изучаемой [58]. Оно получило всеобщее признание, поэтому, сопоставляя работы эколого-этнографов с исследованиями детерминистов и поппилистов, следует всегда помнить об этой качественной разнице: в первом случае окружающая среда может охватывать явления природные и социальные, во вто-

с. 95

ром — только природные. Дж. Стюард в некоторых ранних работах тоже фактически учитывал роль социальной среды в культурной адаптации [59], однако специально внимания на этом не акцентировал.

Некоторые авторы упрекали Дж. Стюарда и соответственно его концепцию культурной экологии в игнорировании воздействия общества на природную среду [60]. Действительно, в первых работах, написанных по материалам об индейских, преимущественно охотничье-собирательских, группах, он не уделял этому вопросу специального внимания. Но позднее Стюард отметил, что в ходе эволюции “культура во все большей степени создает свою собственную среду”, подчеркнул случаи преобразования природной среды охотниками-собирателями Калифорнии, а также прямо указал на важность учета социальных аспектов окружающей среды [61]. Последователи Дж. Стюарда иногда специально ставили перед собой задачу определить результаты воздействия человеческих коллективов на природную и социальную среду [62], а М. Салинс, например, говорил, что “в процессе адаптации культура трансформирует ландшафт и соответственно бывает вынуждена приспосабливаться уже к тем постоянным изменениям среды, которым сама положила начало” [63].

Не менее важный вклад в развитие экологической этнографии внес Л. Уайт. Правда, в отличие от Геертца* и Салинса сам он эколого-этнографической проблематикой интересовался сравнительно мало и в 1959 г. даже отрицал необходимость учета факторов природной среды для изучения процессов и причин изменения социальных систем [64]. Однако защищавшаяся Уайтом “энергетическая теория эволюции культуры” [65], по которой на каждой стадии прогрессивного развития качественно возрастает объем используемой обществом энергии и меняется источник ее получения (мускульная сила человека, домашних животных, энергия воды и ветра, ископаемого топлива, а впоследствии — атомная), получила широкое признание в среде культурных экологов. Трактую прогрессивную эволюцию отдельных культур как процесс их освобождения от диктата природы, такие представители этой школы, как, например, Коэн, предлагают оценивать достигнутый обществом уровень адаптации по характеру взаимообуславливающих друг друга энергетической системы и социальной организации общества, делающей возможным эксплуатацию такой энергосистемы [66]. Одним из недостатков концепции является игнорирование того факта, что параллельно с уменьшением влияния лимитирующих факторов природной среды на общество обычно возрастает общее число связей общества со средой, т. е. зависимость от последней отнюдь не уменьшается.

Несмотря на существенное развитие концепции культурной экологии, она сохранила со времен Дж. Стюарда главную черту — в центре внимания исследователей оста-

* В последние годы в отечественной научной литературе утвердилось иное написание фамилии этого учёного — Гирц (*прим. А.Н. Ямскова к тексту, размещённому в Интернете; 27.02.2010 г.*).

ся по-прежнему культура, точнее, культурное ядро. Задача исследования — выяснить механизм адаптации, объяснить те или иные институты, явления куль-

с. 96

туры спецификой технологического базиса и окружающей среды. Среди сторонников данной школы в 70-е годы ведущими, несомненно, являлись Д. Беннетт и Р. Неттинг; культурно-экологический подход по-прежнему широко применяется в 80-х годах [67].

Экосистемная антропология. Начало 60-х годов в американской науке было отмечено значительным ростом популярности экологических исследований, при этом круг интересов многих ученых более не замыкался на изучении культуры во взаимодействии со средой — он стал включать и относящиеся к данной проблеме аспекты демографии и биологии человека [68]. Одновременно наблюдалось укрепление позиций функционализма в американской культурной антропологии в целом, в том числе в экологически ориентированных исследованиях. Соединение крайнего функционализма с последовательным применением системного подхода привело к распространению трактовки экосистемы как постоянно находящейся в состоянии гомеостаза (динамического равновесия) и состоящей из таких “блоков”, как человеческая популяция, культура, среда обитания [69]. Уместно отметить, что представители культурной экологии, например Р. Неттинг, продолжали определять основные блоки экосистемы иначе, выделяя производственную технологию, окружающую среду, знания и навыки населения [70].

Эти и некоторые другие менее важные изменения методологического плана в подходе к изучению взаимодействия общества и среды ознаменовали появление в 60-е годы новой школы — экосистемной (или популяционной) антропологии. Ее главной отличительной чертой стал четко выраженный функционализм. Один из признанных лидеров школы, Э. Вайда, специально отмечал, что существуют два разных подхода: новый — изучение закономерностей функционирования систем, объединяющих природные и социально-культурные явления, и старый (т. е. культурно-экологический) — выявление роли природных факторов и адаптации к ним в происхождении и эволюции явлений культуры [71].

Огромную роль в развитии экосистемной антропологии сыграли ранние функционалистские работы Э. Вайды и Р. Раппапорта, в результате чего к концу 60-х годов функционализм даже стали ошибочно считать методологической основой любых экологических исследований в этнографии [72]. Своего наибольшего влияния в американской культурной антропологии эта школа достигла к началу 70-х годов.

В экосистемной антропологии работают как этнографы и собственно антропологи, так и географы. Представители этой школы во все большей степени применяют методику биологических и географических дисциплин, особенно общей экологии. Подобная преимущественная ориентация на методы естественных наук связана с известной позицией Вайды и Раппапорта, считавших (на наш взгляд, необоснованно), что будто бы существуют законы, в равной мере описывающие взаимодействие с географической средой популяций всех живых организмов, включая человека [73].

с. 97

Пожалуй, наиболее полное выражение концепция функциональной экосистемной антропологии нашла в работах Р. Раппапорта. Он, например, расценивал применение системного подхода и соответствующих понятий как неперемutable условие при изучении эколого-этнографической проблематики; объектом исследования считал человеческую

популяцию, включенную в экосистему, а главной задачей — раскрытие и объяснение действия тех механизмов в культуре, которые постоянно поддерживают изучаемую экосистему в состоянии гомеостаза. В условиях доиндустриального общества Раппапорт предлагал пространственно ограничивать экосистему пределами освоенной популяцией территории и в экосистемах подобного рода признавал доминирование обратных связей, не позволяющих им выйти из более или менее равновесного состояния. Положение человеческих популяций в экосистемах определяется, согласно его взглядам, в основном характером пищевых связей, через которые осуществляется обмен веществом и энергией со средой [74].

Р. Раппапорт, как и в этноэкологии, указывал на необходимость подходить к понятию окружающей среды дифференцирование: он разделял “реальную” и “воспринимаемую”, или когнитивную, т.е. существующую в представлении изучаемого населения, среду. Последняя, например, может включать реально не существующих духов, якобы угрожающих здоровью людей, а вместе с тем в ней обычно отсутствует такой фактор, как микроорганизмы — возбудители болезней. Естественно, знание воспринимаемой среды необходимо для полного понимания специфики функционирования изучаемой экосистемы, однако действительные связи популяции с другими блоками экосистемы могут быть поняты только на основе детального исследования реальной среды [75].

Господство функционализма в экосистемной антропологии 60-х годов способствовало оживлению представлений о гармоничном сосуществовании примитивных обществ с природой, стабильности экосистем и отсутствии экологических кризисов. Однако новые факты, в том числе собранные представителями этой школы, вскоре заставили усомниться в правильности такого мнения. В середине 70-х годов функционализм подвергся резкой критике, в том числе в советской литературе [76]. Не менее серьезная критика была дана ему и с методологических позиций, поскольку эта теория, вскрывая механизм функционирования экосистем, принципиально не могла объяснить причины их качественных изменений [77].

Пережив кризис первой половины 70-х годов и избавившись от крайних проявлений функционализма, школа экосистемной антропологии сохранилась и продолжает действовать. Как признает давний противник крайних функционалистов Д. Беннетт, многие доиндустриальные общества, изолированные от более развитых соседей, действительно могут на протяжении длительного времени поддерживать стабильные взаимоотношения со средой -

с. 98

сохранять постоянную численность населения и не вызывать необратимых изменений в освоенных ландшафтах. Ошибочно лишь возводить факты подобного рода в абсолютный закон взаимодействия доиндустриального общества с природной средой и тем более распространять эти выводы на более развитые культуры [78]. Выяснение же механизмов функционирования экосистем в указанных случаях представляет несомненный научный и практический интерес и лучше всего может быть достигнуто именно при использовании тщательно отработанных методов сбора информации, в том числе количественной оценки энергетических потоков в экосистеме, которые выработала экосистемная антропология.

Следует также согласиться со справедливой критикой сторонниками экосистемной антропологии взглядов Дж. Стюарда и других приверженцев культурной экологии, которые полностью игнорируют биологическую природу человека и практически отрывают культуру от ее носителей [79]. Уместно вспомнить указание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что “первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существова-

ние живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное его отношение их к остальной природе” [80]. Большой заслугой экосистемной антропологии является комплексный характер исследования механизмов адаптации, предполагающий выявление ее культурных и биологических (как генетически закрепленных, так и ненаследственных) аспектов. Особую важность и перспективность работам этой школы экологической этнографии придает тот факт, что в них часто одновременно решаются вопросы как культурной, так и физической антропологии, а также общей экологии, демографии, географии и ряда других смежных социальных и естественных наук, т. е. они по сути своей являются междисциплинарными и способствуют укреплению связей между указанными специальностями.

Этноэкология. Эта школа возникла в середине 50-х—начале 60-х годов. Ее название ввел в научный обиход Конклин [81]. Этноэкология — одна из составных частей “этнонауки”, или “новой этнографии”, и может быть выделена из нее лишь по специфике предмета исследования.

Этнонаука оформилась в 50-е годы под сильным влиянием со стороны структурной лингвистики Б. Уорфа [82]. В настоящее время основоположники этой концепции имеют немного последователей, особенно занимающихся экологической тематикой, но они тем не менее претендуют на создание принципиально новой теоретической базы этнографии и видят особенность своего подхода в том, чтобы изучать не общественные институты и явления, в частности в их взаимосвязи с окружающей средой, а представления, знания об этом членов изучаемого общества и то, каким образом эта информация организована лексически. По существу, этнонаука подменяет исследование объективной действительности изучением представлений об этой действительности, отраженных

с. 99

в словарном запасе населения, т. е. имеет субъективный характер. Конечно, традиционные общества взаимодействуют с природной средой на основе не каких-либо научных, а своих примитивных представлений, экофильных или экофобных установок. Однако, базируясь на изучении общественного сознания и фактически предполагая его тождественность общественному бытию, представители этнонауки ошибочно считают, что их подход дает возможность понять последнее.

Сказанное выше относится и к этноэкологии. Так, говоря словами Э. Морана, “цель этноэкологического исследования заключается в том, чтобы лучше понять, каким образом население воспринимает свою окружающую среду и как оно организует подобные восприятия” в лексике [83]. Довольно четко высказывается и один из ведущих этноэкологов — Ч. Фрейк: “Этнограф не может быть удовлетворен всего лишь фиксацией компонентов культурной экосистемы в категориях западной науки. Он должен также описать окружающую среду таким образом, как ее воспринимает население, и используя понятия, употребляемые этим населением”. Далее Фрейк подчеркивает “большие преимущества” описаний, построенных “на основе правил, по которым информаторы характеризуют окружающую среду и в соответствии с которыми принимают поведенческие решения” [84].

На первый взгляд позиция Ч. Фрейка во многом близка к сформулированному позднее Р. Раппапортом положению о необходимости дифференцированного изучения действительной, “реальной”, и воспринимаемой населением, “когнитивной”, окружающей среды. Впрочем, уже в самой постановке этими учеными данной проблемы ощущается влекущая за собой важные последствия разница в акцентах: Ч. Фрейк считает более важным для раскрытия взаимодействия общества и природы изучение воспринимаемой среды и рекомендует сосредоточить именно на этом основные усилия во время полевых ра-

бот. Признавая на словах необходимость и плодотворность сопоставления реальной и воспринимаемой окружающей среды, он, однако, проявляет открытое предпочтение исследованию последней [85].

Представители этноэкологии хорошо владеют и развивают далее лишь методы сбора и классификации информации о воспринимаемой среде и осознанных взаимоотношениях с ней в понятиях, т. е. по словарю, населения. Но они практически не применяют подлинно научных методов (экологических, географических и т. п.) для изучения реальной среды и действительных взаимосвязей с ней исследуемого общества, так как в силу своих теоретических установок недооценивают важность этого момента, а на практике чаще всего просто не владеют естественнонаучными методами в достаточной степени. Таким образом, у этноэкологов реальная географическая среда остается либо вообще неизученной, либо за нее выдается поверхностное представление, складывающееся у самого исследователя на основе обыденного здравого смысла.

с. 100

Указанный недостаток методологической базы подспудно ощущают сами этноэкологи. Косвенным свидетельством сказанного служит то, что к настоящему времени собственно экологических исследований они провели очень немного, а работы Конклина и Фрейка являются скорее исключениями из общего правила. Большинство работ “новых этнографов” по проблеме взаимодействия общества и окружающей среды представляют собой исследования аборигенных систематик различных природных объектов (растений, животных и т. п.) [86], т. е. должны быть отнесены, например, к этноботанике или этнозоологии.

Выраженный субъективно-идеалистический характер этой школы явился причиной обоснованной критики со стороны остальных экологов-этнографов, в большинстве своем твердо стоящих на материалистических позициях. Более того, некоторые из них даже не считают этноэкологию частью экологической этнографии, включая в последнюю только школы или подходы объективно-материалистического характера [87].

Критикуя этноэкологию и отмечая, что уже в силу особенностей своей методологической базы она не в состоянии раскрыть действительный характер взаимодействия общества и природной среды, нельзя не признать, однако, и некоторые сильные стороны этой школы. Сведения, получаемые этноэкологами, очень интересны и важны, ибо позволяют судить об особенностях восприятия окружающей среды и осознания своего места в природе людьми, принадлежащими к разным культурам и достигшими различных уровней социально-экономического развития. Поэтому существование и дальнейшее развитие этноэкологии в качестве вспомогательного метода изучения взаимосвязей культуры и географической среды необходимо и полезно.

Процессуальная экоантропология. Эта школа начала формироваться с середины 70-х годов. Причинами ее появления обычно считают разочарование многих исследователей в крайнем функционализме экосистемной антропологии конца 60-х годов, а также изменения в трактовке понятия экосистемы и во взглядах на ее развитие со стороны специалистов по общей экологии. Так, представители этой новой школы экологической этнографии полностью отказались от скрытно либо явно разделявшегося прежде мнения, что процессы адаптации могут действовать на надорганизменном уровне, т. е., например, проявляться в отношении всей популяции как целого [88]. Несомненно, сказался также и общий поворот американской культурной антропологии на рубеже 70—80-х годов в сторону большего историзма и активизации диахронных методов исследований [89].

К сожалению, данная школа в указанный период находилась еще в стадии формирования. Видимо, наиболее подробным историографическим исследованием, посвящен-

ным процессуальной экологической антропологии, пока является соответствующий раздел обзорно-критической статьи Б. Орлова [90], у которого, кстати, мы и заимствовали название школы. Однако сам факт теоретического

с. 101

обновления в экологическом направлении этнографии несомненен: в конце 70-х годов практически все экологи-этнографы отмечали в нем качественные изменения — рождение новой школы или особого подхода, а работы 80-х годов характеризуют методологию эколого-этнографических исследований как область продолжающихся острых дискуссий [91].

Уже из названия школы следует, что основное внимание в ней придается процессам исторических изменений во взаимосвязях общества и окружающей среды, а также изучению путей возникновения общественных институтов как средств и результатов адаптации. Продолжает усиливаться междисциплинарный характер эколого-этнографических исследований за счет все более полного охвата демографических, медико-биологических, эколого-географических и экономических сюжетов [92]. В основе же нового подхода лежит исследование реального поведения и процесса принятия поведенческих решений на индивидуальном уровне и под влиянием факторов среды и культурно обусловленных установок данной группы. При этом признается, что не все цели и установки на поведение, свойственные отдельным лицам, разделяются остальными членами изучаемого общества. Иначе говоря, в отличие от экосистемной антропологии, где популяция во взаимодействии с окружающей средой рассматривается как единое целое, в процессуальной экоантропологии основной акцент переносится на создание моделей поведения индивидов, а уже затем и на этой основе — отдельных социальных групп, популяций, а также более крупных объектов, например современных индустриальных обществ или их частей [93].

Безусловно, трудно судить о новой школе экологической этнографии на основании критических обзоров, не имея в своем распоряжении представляющих ее методологических работ. Однако уже сейчас виден существенный поворот процессуальной экоантропологии к бихевиоризму, перенос внимания с изучения общественного или группового сознания и поведения на индивидуальное. Утверждения же Б. Орлова о том, что новая школа экологической этнографии еще в большей, чем, например, экосистемная антропология, степени основывается на марксизме и теории общей экологии, пока, на наш взгляд, не полностью доказаны.

В заключение данного обзора отметим, что каждая из кратко охарактеризованных выше школ экологической этнографии, безусловно, заслуживает гораздо большего внимания. В настоящей работе эти школы рассматривались исходя из положений их ведущих представителей, приведенных и исследованиях методологического или историографического плана. Настоятельно необходимо, однако, дать более подробный анализ теоретических основ каждой из школ экологической этнографии, причем это должно быть сделано в первую очередь с привлечением конкретных работ, посвященных итогам полевых исследований и содержащих обработанные фактические материалы, поскольку, как известно, часто обна-

с. 102

рживаются заметные расхождения между провозглашенными тем или иным исследователем методологическими установками и их реальным воплощением.

Анализ эколого-этнографической литературы США полностью подтверждает вывод, сделанный Ю.П. Аверкиевой еще в 1979 г., — влияние марксизма на американскую этнографию постоянно “расширяется и углубляется” [94]. В частности, на Западе появились исследования, специально предназначенные для ознакомления широких научных кругов со взглядами основоположников марксизма на конкретные проблемы, в том числе экологические [95]. Что же касается собственно экологической этнографии, то, например, В. Орлов не только считает влияние марксизма на нее все более усиливающимся, но и рассматривает материализм и марксизм в качестве основ, правда не единственных, ее методологического фундамента [96].

В настоящее время очень нужен монографический детальный критический разбор отдельных школ экологической этнографии с позиций советской марксистской этнографии, который сможет, во-первых, дать объективную оценку вклада этих школ в науку, а во-вторых, значительно стимулировать дальнейшую разработку экологической проблематики в отечественной этнографии и предостеречь от возможных в исследованиях подобного рода погрешностей.

-
1. Hatch E. The growth of economic, subsistence and ecological studies in American anthropology // *Anthropol. Res.* 1973. Vol. 29. P. 221-222.
 2. *American Anthropologist* 1962. Vol. 64, N 1, pt. 1. P. 15-59; 1965. Vol. 67, N 2. P. 400-447. (Далее: AA); *American Ethnologist*, 1977. Vol. 4, N 1- (Далее: AE); *National Museums of Canada Bulletin*. 1969. N 230. (Далее: NMCB).
 3. Levi-Strauss C. Structuralism and ecology // *Social Sci. Inform.* 1973. Vol. 12, N 1. P. 23.
 4. Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 242-253.
 5. См.: Richerson P.J., Boyd R. [Рецензия] // *Human Ecology*. 1980. Vol. 8, N 2. P. 172. (Далее: HE). — Рец. на кн.: Harris M. *Cultural materialism: The struggle for a science of culture*, N. Y., 1979.
 6. Steward J. *Theory of cultures change: The methodology of multilineal evolution*. Urbana, 1955.
 7. Енгибарян С.Е. Экологическое направление в американской культурной антропологии // *Философские проблемы культуры*. Тбилиси, 1980. С. 217—218.
 8. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // *Сов. этнография*. 1955. № 4. С. 3—17. (Далее: СЭ); Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // *СЭ*, 1970. № 6. С. 15—26; Андрианов Б.В. Неоседлое население мира. М., 1985. С. 17—40.
 9. Алексеев В.П. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика // *Природа*. 1975, № 7. С. 18—23; Он же. Становление человечества. М., 1984. С. 348—383; Бромлей Ю. В. *Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории*. М., 1981. С. 245-256; Он же. *Очерки теории этноса*. М., 1983. С. 212-232; Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии // *СЭ*. 1983. № 1. С. 3—16; Маркарян Э.С. К экологической характеристике развития этнических культур // *Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия*. М., 1981. С. 96—108; Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ: (По этнографическим данным) / Отв. ред. В. Н. Боряц, Л.П. Потапов. Л. 1984, и др.

10. Это объясняется более тесными связями между этнографией и географией в США по сравнению с другими странами, см.: Preston-Whyte E. The environmental debate in anthropology // *Progress in resource management and environmental planning*. Chichester, 1980. Vol. 2. P. 28—29, 33. Исключением, однако, является скандинавская этнография. См., например: *Essays on human ecology // Folk*. 1964. Vol. 6, N 1; Barth F. Ecologic relationships of ethnic groups in Swat, Northern Pakistan // *AA*. 1956. Vol. 58. P. 1079-1089.
11. См.: Murphy R. F. Introduction: the anthropological theories of Julian H. Steward // *Evolution and ecology: Essays on social transformation by J.H. Steward / Ed. J.C. Steward, R.F. Murphy*. Urbana. 1977. P. 3, 27.
12. Trigger B.G. Archaeology at the crossroads: What's new? // *Annual Review of Anthropology*. 1984. Vol. 13. P. 277—278, 281. (Далее: ARA).
13. Mikesell M. Geographical perspectives in anthropology // *Annals of the Association of American Geographers*. 1967. Vol. 57, N3. P. 617-634. (Далее: AAAG). Moran E.F. Human adaptability: An introduction to ecological anthropology. North Scituate. 1979. P. 58. О взглядах географов на концепции культурной экологии см.: Mikesell M. Tradition and innovation in cultural geography // *AAAG*. 1978. Vol. 68, N 1. P. 4., 6; Kolars J. F. Locational aspects of cultural ecology: the case of the goat in non-Western agriculture // *Geogr. Rev.* 1966. Vol. 56, N 4. P. 579. 584. Культурной географией также занимался Дж. Стюард. См.: Murphy R.F. Introduction. P. 7.
14. Марш Г. Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы. СПб., 1866. О Г. Марше и географии человека подробнее см.: Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980. С. 84-85, 111-112.
15. Barrows H.H. Geography as human ecology // *AAAG*. 1923. Vol. 13, P. 1—13; Eyre S.R., Jones G.R. Introduction // *Geography as human ecology / Ed. S.R. Eyre, G.R.J. Jones*. L., 1966. P. 6-8.
16. Mikesell M. Tradition ... P. 2—4, 6.
17. English P.W. Landscape, ecosystem and environmental perceptions: concepts in cultural ecology // *The Journal of Geography*. 1968. Vol. 67, N4. P. 201-204. (Далее; JG).
18. Mikesell M. Tradition ... P. 2.
19. Гроссман Л. Антропология и география о взаимоотношениях человека с природной средой // *Новые идеи в географии*. М., 1979. Т. 4, С. 53; Klee G.A. An ecological approach in the introductory cultural geography course // *JG*. 1979. Vol. 78, №1. P. 18,
20. См., например, такие работы географов, как: Brookfield H.C. The ecology of Highland settlement: some suggestions // *AA*. 1964. Vol. 66. N4, pt 2. P. 20—38; Porter P.W. Environmental potential and economic opportunities // *AA*. 1965, Vol. 67, N 2. P. 409—420; Winterhalder R. Environmental analysis in human evolution and adaptation research // *HE*. 1980. Vol. 8. N2. P. 135—170.
21. Vayda A.P., McCay B.J. Problems in the identification of environmental problems // *Subsistence and survival: Rural ecology in the Pacific / Ed. T.P. Bayliss-Smith, R.G. Feackem*. N.Y.-L., 1977. P. 411-418.
22. См.: Bruhn J. G. Human ecology: a unifying science? // *HE*. 1974. Vol. 2, N2. P. 106, 113—118. О взглядах социологов на сущность и перспективы экологического подхода см., например: Klausner S. On man and his environment: Social science foundations for research and policy. San Francisco, 1971; Dunlap R.E., Catton W.R. Environmental sociology: a framework for analysis // *Progress in resource management and environmental planning*. Chichester, 1979. Vol. 1. P. 57—86.
23. В этой связи уместно отметить, что большинство вопросов, которыми, относя их к экологии человека, занимались в 20—30-е годы чикагские социологи во главе с Р. Парком, ныне перешло в сферу интересов социальной географии. См.: Entrikin J.N. Robert Park's human ecology and human geography // *AAAG*. 1980. Vol. 70. N 1. P. 57.

24. Ср.: Bruhn J.G. Human ecology. P. 105; Andersen J.N. Ecological anthropology and anthropological ecology // Handbook of social and cultural anthropology / Ed. J.J. Honigmann. Chicago, 1973. P. 184.

25. Культурной адаптации посвящены разделы в эколого-этнографических монографиях, специализированные сборники: Environment and population: Problems

с. 104

of adaptation / Ed. J.B. Calhoun. N.Y., 1983; Rethinking human adaptation: Biological and cultural models / Ed. R. Dyson-Hudson, M.A. Little. Boulder, 1983, а также отдельные статьи: Alland A. Adaptation // ARA. 1975. Vol. 4. P. 59—73; Alland A., McCay B. The concept of adaptation in biological and cultural evolution // Handbook of social ... P. 143—178; Brady I.A., Laughlin C.D. Introduction: diaphasis and change in human populations. Epilogue: adaptation and anthropological theory // Extinction and survival in human populations / Ed. I.A. Brady, C.D. Laughlin. N.Y., 1978. P. 1-48, 282-290; Cohen Y.A. Culture as adaptation // Man in adaptation, 2nd ed. Chicago, 1974. Vol. 1: The cultural present. P. 45—70.

26. Steward J.H. The concept and method of cultural ecology // Evolution and ecology ... P. 50; Stewart O.C. The forgotten side of ethnogeography // Method and perspective in anthropology / Ed. R.F. Spencer. Gloucester, 1969. P. 228—248.

27. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 16.

28. Там же. С. 43.

29. Freilich M. Ecology and culture: environmental determinism and the ecological approach in anthropology // Anthropological Quarterly. 1967. Vol. 40, N 1. P. 40, (Далее: AQ).

30. Козлов В.И., Покшишевский В.В. Этнография и география // СЭ. 1973. № 1. С. 3.

31. Монтескье Ш. О духе законов // Избр. произведения. М., 1955; Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. М., 1864.

32. Джонстон Р. Дж. География и географы. М., 1987. С. 62—63; Preston-Whyte E. The environmental debate ... P. 37.

33. Huntington K. Civilization and climate. New Haven, 1915. P. 294; Idem. Mainsprings of civilization. N. Y., 1945.

34. Аверкиева Ю.П. Указ. соч., С. 59—60; Чеснов Я.В. О теории “культурных областей” в американской этнографии // Концепции зарубежной этнологии: Критические этюды. М., 1976. С. 76; Damas O. Introduction: The study of cultural ecology and the ecology conference // NMCB, 1969. N 230. P. 4.

35. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 394.

36. Там же. Т. 23. С. 522.

37. Там же. Т. 20. С. 545-546.

38. Аверкиева Ю.П. Указ. соч. С. 71; Netting R. McC. Cultural ecology. Menlo Park, 1977. P. 9.

39. См.: Stewart O.C. The forgotten side ... P. 224.

40. Netting R. McC. Cultural ecology. P. 3. Подробнее о поппулистских взглядах Ф. Боаса см.: Hatch E. The growth ... P. 231-232.

41. Kroeber A.L. Cultural and natural areas of native North America // Univ. Cal. Publ. Amer. Archaeol. and Ethnol. 1939. Vol. 38; Bennett J.W. The ecological transition: Cultural anthropology and human adaptation. N. Y., 1976. P. 210; Wissler C. The relation of nature to man in aboriginal America. N. Y., 1926; Forde C.D. Habitat, economy and society: A geographical introduction to ethnology. 6th ed. L., 1948.

42. Hardesty D.L. Ecological anthropology. N. Y., 1977. P. 4.

43. Stewart O.C. The forgotten side ... P. 224-225.

44. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 357; Т. 3. С. 19.

45. Netting R. McC. Cultural ecology- P. 11; Idem. A trial model of cultural ecology // AQ. 1965. Vol. 38. N 1. P. 81.
46. Vayda A.P., Rappaport R.A. Ecology: cultural and non-cultural // Introduction to cultural anthropology / Ed. J. A. Clifton. Boston, 1968. P. 488—489.
47. Orlove B.S. Ecological anthropology // ARA. 1980. Vol. 9. P. 237, 245.
48. Anderson J.N. Ecological anthropology and anthropological ecology // Handbook of social and cultural anthropology / Ed. J.J. Honigmann. Chicago, 1973. P. 186—209; Bennett J.W. The ecological transition ... P. 164—165; Hardesty D.L. Ecological anthropology. P. 7—10, 14—17; Moran E.F. Human adaptability ... P. 43—61; Orlove B.S. Ecological anthropology. P. 235—261; Preston-Whyte E. The environmental debate ... P. 35; Vayda A.P., Rappaport R.A. Ecology: cultural ... P. 489.
49. Steward J.H. Theory of culture change. P. 30—42. В переработанном виде, но под тем же названием эта работа вышла в кн.: International encyclopedia of social sciences / Ed. D.L. Sills. N. Y., 1968. Vol. 4. P. 337—344; а также в кн.: Evolution

с. 105

and ecology ... P. 43—57. Список его работ см.: Manners R. A. Julian Haynes Steward, 1902-1972 // AA. 1973. Vol. 75, N 3. P. 897-903.

50. В частности, термин “экологическая антропология” ввел М. Бэйтс в 1953 г.; среди эколого-этнографических работ он называет и первые исследования Дж. Стюарда. См.: Bates M. Human ecology // Anthropology today / Ed. A.L. Kroeber. Chicago, 1953. P. 702-705.
51. Evolution and ecology ... P. 43.
52. Steward J.H. Theory of culture change ... P. 5, 34, 37—41.
53. Murphy R.F., Steward J.H. Tappers and trappers: parallel process in acculturation // Econ. Develop. and Cult. Change. 1955. Vol. 4. P. 335-355.
54. Steward J.H. Theory of culture change ... P. 40.
55. Ibid.
56. Geertz C. Agricultural involution: the processes of ecological change in Indonesia. Berkeley, 1963.
57. Bennett J.W. Ecosystem analogies in cultural ecology // Population, ecology and social evolution / Ed. S. Polgar. The Hague, 1975, P. 273—303. Последние по времени высказывания на этот счет см. в кн.: The ecosystem concept in anthropology / Ed. E.F. Moran. Boulder. 1984.
58. Sahlins M.D. Culture and environment: The study of cultural ecology // Horizons of anthropology / Ed. S. Tax. L.-Chicago, 1965. P. 134.
59. См., например: Murphy R.F., Steward J.H. Tappers and trappers ... В 1968 г. он уже прямо признал это положение: Evolution and ecology ... P. 52.
60. Аверкиева Ю.П. Указ. соч. С. 234—235.
61. Evolution and ecology ... P. 50—52.
62. Montgomery J., Bennett J.W., Sandler T. The impact of human activities on the physical and social environments: new directions in anthropological ecology // ARA. 1973. Vol. 2. P. 27-61.
63. Sahlins M.D. Culture and environment ... P. 133.
64. См.: Vayda A.P. Anthropologists and ecological problems // Man, culture and animals: The role of animals in human ecological adjustment / Ed. A. Leeds, A. Vayda. Wash. (D.C.), 1965. P. 1.
65. White L. Energy and the evolution of culture // AA. 1943. Vol. 45. N 3. P. 335—356; см. также: Аверкиева Ю.П. Указ. соч. С. 204—209.
66. Cohen Y.A. Culture as adaptation ... P. 46—47.

67. Bentley J.W. Economic and ecological approaches to land fragmentation: In defense of a much-maligned phenomenon // ARA. 1987. Vol. 16. P. 31—32.
68. Baker P.T. The application of ecological theory to anthropology // AA. 1962. Vol. 64, N1. P. 20-21,
69. Helm J. The ecological approach in anthropology // Amer. J. Sociol., 1962. Vol. 67, N 6. P. 631-638.
70. Netting R. McC. A trial model ... P. 85.
71. Vayda A.P. Introduction // Environment and cultural behavior: Ecological studies in cultural anthropology / Ed. A.P. Vayda. Garden City, 1969. P. XI.
72. Damas D. Introduction. P. 10.
73. Vayda A.P. Anthropologists ... P. 4; Vayda A.P., Rappaport R.A. Ecology: cultural ... P. 492; Rappaport R.A. Some suggestions concerning concept and method in ecological anthropology // NMCB. 1969. N230. P. 187.
74. Rappaport R.A. Some suggestions ... P. 184, 186—187; Idem. Nature, culture and ecological anthropology // Man, culture and society / Ed. H. Shapiro. L., 1971. P. 238-239, 250.
75. Rappaport R.A. Some suggestions ... P. 186.
76. Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: К методике изучения этноэкологических систем: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 4.
77. McCay B.J. Systems ecology, people ecology and the anthropology of fishing communities // HE. 1978. Vol. 6, N4. P. 398-403; Richerson P.L. Ecology and human ecology: A comparison of theories in the biological and social sciences // AE, 1977. Vol. 4, N1. P. 18-20.
78. Bennett J.W. The ecological transition ... P. 11, 95. 135—137.
79. Vayda A.P., Rappaport R.A. Ecology: cultural ... P. 488.
80. Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т, 3. С. 19.

с. 106

-
81. Conklin H.C. An ethnoecological approach to shifting agriculture // Trans. N.Y. Acad. Sci. 1954. Vol. 17. P. 133-142.
83. Moran E. F. Human adaptability. . . P, 58—59.
84. Frake C.O. Cultural ecology and ethnography // AA. 1962. Vol. 64. N1. P. 55, 58.
85. Ibid.
86. Fowler C.S. Ethnoecology // Hardesty D.L. Ecological anthropology. P. 236.
87. Anderson J.N. Ecological anthropology. . . P. 188—189; Fowler C.S. Ethnoecology, P. 239—242; см. также: Bennett J.W. The ecological transition ...; Orlove B.S. Ecological anthropology.
88. Richerson P.J. Ecology ... P. 2; Ruyle E.E. Genetic and cultural pools: some suggestions for a unified theory of bio-cultural evolution // HE. 1973. Vol. 1, N3. P, 214.
89. Vincent J. System and process, 1974-1985 // ARA. 1986. Vol. 15. P. 99-100.
90. Orlove B.S. Ecological anthropology. P. 245-262.
91. См., например: McCay B.J. Systems ecology ... P. 403; Preston-Whyte E. The environmental debate ... P. 43; Richerson P.J. Ecology ... P. 18; а также: Barnard A. Contemporary Hunter-gatherers: Current theoretical issues in ecology and social organization // ARA. 1983. Vol. 12. P. 204; Vincent J. System ... P. 103—104.
92. Barnard A. Contemporary ... P. 198; Sponsel L.E. Amazon ecology and adaptation // ARA. 1986, Vol. 15. P. 81, 83-84; Bentley J. W. Economic and ecological ... P. 61.
93. Orlove B.S. Ecological anthropology. P. 245, 257. 261; Vincent J. System ... P. 104-105.
94. Аверкиева Ю.П. Указ. соч. С. 282; см. также: Barnard A. Contemporary ... P. 201.

95. См., например: Marx and Engels on ecology / Ed. H L Parsons. Westport, 1978.
96. Orlove B.S. Ecological anthropology. P. 245, 252. 261.

с. 107
